ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.1
УДК 339.98, 316.42
JEL F52, F51, B51

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Мир-системный подход к трактовке технологической (не)зависимости России[1]

Юрий В. ЛАТОВ [1)] ✉ iD, **Евгений А. КАПОГУЗОВ** [2)] iD
[1)] *Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация*
[2)] *МГУ им. М.В.Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация*
[2)] *Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация*

Для цитирования: Латов, Ю. В., Капогузов, Е. А. (2026). Мир-системный подход к трактовке технологической (не)зависимости России. *AlterEconomics, 23*(3), 521–547. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.1

Аннотация. Статья посвящена теоретизированию проблем современного дискурса о технологическом суверенитете на основе мир-системной парадигмы. Авторами были поставлены две задачи: (1) сначала дать аналитический обзор современных научных дискурсов о технологическом суверенитете, выявив в них «белые пятна»; (2) затем предложить концепцию борьбы за технологический суверенитет как формы конкуренции стран-наций в капиталистической (современной) мир-системе, давая ответы на ранее выявленные проблемные вопросы. Для решения этих задач применены методы системного анализа глобальных процессов, а также сравнительного анализа научных подходов и практик развития национальных моделей экономики в XIX–XXI веках (с акцентом на внимание к институциональным условиям и особенностям борьбы за технологическую независимость России). Результатом является прежде всего уточнение определений технологического суверенитета — позитивного (как наличия у развитой страны возможности самостоятельного комплексного высокотехнологического развития, включая инновационные прорывы) и негативного (как отсутствия опасной зависимости национальной экономики от других стран в сфере высоких технологий). Россия с 2022 года стала фактически реализовывать, по Самиру Амину, задачу «отсоединения» от мирового хозяйства — перестраивать свое участие в современной мир-системе без подчинения существующим в ней «правилам игры», включая технологическое доминирование стран ядра. Актуализация с 2010-х годов обсуждений и политики технологического суверенитета объективно связана не только со стремлением России вернуться из полупериферии в ядро, но и с общей перестройкой мир-системы в связи с завершением «американского века» и с началом формирования новой иерархии стран-наций. Приоритеты тактики и стратегии укрепления технологического суверенитета современной России существенно зависят от долгосрочных перспектив — произойдет ли смена «американского века» «китайским веком» (то есть превращение КНР в новую сверхдержаву мира) или сложится полицентричная (более благоприятная для России) система глобального регулирования.

Ключевые слова: технологический суверенитет, институциональные условия национального развития, мир-системный анализ, капиталистическая мир-система, отсоединение, институциональная экономическая история, БРИКС

Благодарность: Авторы статьи выражают благодарность Артемию Александровичу Мальчуку, аспиранту МГУ им М. В. Ломоносова, за помощь в сборе материалов.

[1] © Латов Ю. В., Капогузов Е. А. Текст. 2026.

REVIEW ARTICLE

Institutional Factors of Russia's Technological (In)Dependence in the Modern World-System

Yuriy V. LATOV [1] ✉, **Evgeny A. KAPOGUZOV** [2]

[1] *Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

[2] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

[2] *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

For citation: Latov, Yu. V., & Kapoguzov, E. A. (2026). Institutional Factors of Russia's Technological (In)Dependence in the Modern World-System. *AlterEconomics, 23*(3), 521–547. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.1

Abstract. The article examines contemporary discourse on national technological sovereignty through the lens of world-systems theory. It reviews existing approaches, identifies gaps in the literature, and conceptualizes the struggle for technological sovereignty as competition between nation-states within the capitalist world-system. The analysis draws on comparative studies of scholarly approaches and national economic development models from the 19th to the 21st centuries, with particular attention to the institutional conditions shaping Russia's technological independence. The study clarifies the concept of technological sovereignty by distinguishing between its positive and negative dimensions. The positive dimension refers to a country's ability to independently pursue comprehensive high-tech development, including innovative breakthroughs, while the negative dimension refers to the absence of critical dependence on other countries in high technologies. From the perspective of world-systems theory, Russia's post-2022 policies can be interpreted as an attempt to restructure its position in the global economy and reduce dependence on the technological dominance of core countries. The renewed focus on technological sovereignty since the 2010s is linked both to Russia's aspirations to strengthen its position in the world-system and to broader changes in the global hierarchy of states. The study argues that Russia's long-term technological strategy will depend partly on the emerging structure of the world system, including whether global leadership shifts toward another dominant power or a more polycentric system develops.

Keywords: technological sovereignty, institutional conditions of national development, world-system analysis, capitalist world-system, decoupling, institutional economic history, BRICS

Acknowledgments: The authors of the article would like to thank Artemy Malchuk, a graduate student at Lomonosov Moscow State University, for his help in collecting materials.

1. Введение

Дискурсы, связанные с понятием «технологическая независимость» («технологический суверенитет»), начали активно распространяться отечественными обществоведами относительно недавно, после «консервативного поворота» 2010-х гг. и особенно с 2022 г. (Афанасьев, 2023, 2025; Юревич, 2023; Капогузов, Пахалов, 2024; Цедилин, 2024; 2026). Однако обсуждение технологической самодостаточности России стало уже настолько привычным, что даже трудно поверить, что в 1990–2000-х гг. доминировали качественно иные (и во многом диаметрально противоположные) дискурсы, связанные с парадигмой участия нашей страны в международном разделении труда.

Слабость теоретической рефлексии по поводу исторической специфичности обсуждений технологической независимости ведет к тому, что часто «за деревьями не видят леса». Есть много публикаций о разных конкретных аспектах российского «технологического суверенитета» (включая откровенно политизированные тексты, тесно связанные со злобой дня), но трудно найти анализ об-

щих объективных условий актуализации этого нарратива. Остро не хватает его включения в макротеоретические концепты, теоретизирующие тенденции большой длительности — в масштабе многих десятилетий и даже веков. Из-за отсутствия таких подходов понимание борьбы за технологическую независимость страны сводится к трактовке этого процесса как реакции на конкретный конфликт России с коллективным Западом в последнее десятилетие в связи с событиями в Украине (см., например, Абдулов, Реснов, 2022). Антисанкционный оттенок этого нарратива не только публицистически политизирует обсуждение, но и создает в нем «белые пятна» (в частности, слабое внимание к новым опасностям, связанным с переориентацией технологического сотрудничества России со странами Запада на сотрудничество с Китаем).

Цель статьи — обосновать теоретическую рамку, которая помогает обсуждать в долгосрочном историческом контексте условия и особенности технологической независимости современной России. Речь идет о полидисциплинарной (на стыке социологии, экономики и политологии) теории мир-системного анализа, являющейся последней на данный момент удачной попыткой создать новую «большую теорию». Для достижения этой цели поставлены две задачи:

— дать критический обзор научных нарративов, связанных с «технологической независимостью» России, и их недостатков;

— изложить комплексный взгляд на эти нарративы сквозь призму мир-системного анализа.

2. Дискурс «технологического суверенитета»: общее и особенное

Термин «технологический суверенитет» в западном академическом дискурсе возник более 40 лет назад. Пионерной можно с долей условности считать работу австралийского экономиста П. Гранта о (не)самостоятельности развития высоких технологий в его стране. Именно им было дано классическое определение, что «технологический суверенитет — это способность и свобода выбирать, создавать ли самим или приобрести и применить, а также применять и использовать коммерческие технологии, необходимые для промышленных инноваций» (Grant, 1983, p. 240). В последующие десятилетия сформировалось большое разнообразие подходов к трактовке сущности того, что чаще всего называют «технологической независимостью» или «технологическим суверенитетом». Общим для всех подходов является акцент на главной цели — *свободе национального технологического развития*. Однако в понимании сущности этой свободы и методов ее достижения наблюдаются сильные расхождения.

Спектр подходов варьируется между двумя крайними позициями. На одном полюсе такая свобода понимается как *использование возможностей мирового рыночного хозяйства*, где любой покупатель свободен — в пределах объективных законов рынка — приобретать из предложенного продавцами что угодно, включая высокие технологии и высокотехнологические товары[1]. На другом полюсе

[1] Похожая трактовка есть, например, в работе (Фальцман, 2018, с. 83–84), где под технологическим суверенитетом понимается способность того или иного вида экономической деятельности обеспечить национальную экономику своей продукцией надлежащего качества, пусть даже частично за счет ее импортных поставок, но при обязательном условии возмещения импортных затрат за счет поступлений от реализации собственного экспорта.

свобода понимается, наоборот, как *национальная независимость от мирового рынка*, как способность (хотя бы потенциальная) к совершенно автаркичному высокотехнологическому развитию страны. Эти два полюса являются, конечно, такими же идеальными моделями, как чисто рыночная и чисто командная экономические системы, от которых производны эти две крайние трактовки. А между полюсами находится широкое пространство реальных и потенциально возможных ситуаций (см., например, типологии в работах (Потапцева и др., 2024, с. 824; Афанасьев, 2025, с. 472)).

Прежде всего вряд ли даже наиболее высокоразвитая страна может быть полностью самостоятельной во всех высоких технологиях. В стране может не быть каких-либо полезных ископаемых, ключевых для определенных высоких технологий (например, США критически зависимы от Китая по поставкам необходимых для электроники редкоземельных металлов). Самое главное — современные высокие технологии очень многообразны (компьютерные, цифровые, нефтехимические, биотехнологические, фармацевтические технологии и т. д.); нельзя точно знать, какие именно технологии окажутся передовыми в ближайшие годы. Поэтому борьбу за национальный технологический суверенитет при практикоориентированном обсуждении чаще связывают с *ограниченным* кругом важнейших промышленных и сервисных высоких технологий (в первую очередь цифровых и военных). Иногда даже встречаются определения технологического суверенитета, сводящие его к независимости в какой-то одной наиболее важной технологической сфере. Так, в работах (Couture & Toupin, 2019; Кутюр, Тоупин, 2020) технологический суверенитет трактуется только как разработка национальных цифровых технологий и создание цифровой инфраструктуры с использованием свободно распространяемого программного обеспечения. Часто встречается и расширительная трактовка отраслей, для которых важна технологическая независимость, когда речь идет о всех «критически важных» и «системообразующих» для данной страны продуктах и технологиях, которые в принципе могут быть и не самыми передовыми[1].

Другой аспект — отношение к импорту высокотехнологических товаров, который делает необязательным наличие в стране своих высоких технологий. С одной стороны, есть имманентная для рыночного хозяйства установка на стимулирование импортозамещения товаров с высокой добавленной стоимостью, к которым априори относятся и все высокотехнологические товары. С другой стороны, диверсификация внешнеэкономических связей может существенно повысить независимость национального импорта от поставок любой конкретной фирмы (страны). Правда, события последних лет убедительно показали россиянам (раньше этот опыт имели главным образом страны, длительно находившиеся под масштабными санкциями, например, Иран), что если страна попадает под международные санкции, то возможности лавировать между разными поставщиками высоко-

[1] Так, по определению А. А. Афанасьева (2023), технологический суверенитет — проектное состояние производственного и научно-технического комплексов страны, при котором существует ресурсообеспеченная возможность воспроизводства требуемой критически важной продукции в необходимом масштабе и соответствующем технологическом уровне. Согласно же работе М. Н. Петрова и Я. С. Филиппова (2023), технологический суверенитет есть ресурсообеспеченное воспроизводство системообразующих знаний и технологий на базе национальной науки и экономики. Под такие слишком широкие определения подойдут едва ли не все разновидности национальной экономической безопасности (например, продовольственная, топливная и т. д.).

технологических товаров резко сокращаются. В этой связи очень важно различать свободу / возможность иметь *высокотехнологические товары* от свободы / возможности иметь сами *высокие технологии* для производства высокотехнологических товаров внутри страны. Второе важнее первого, но и труднее в реализации.

Еще один важный аспект — вопрос о том, предполагает ли технологическая независимость доступ страны только к уже *массово освоенным* в других странах высоким технологиям, или для такой независимости также необходима способность национальной экономики совершать *опережающие прорывы*, обгоняя хотя бы временно в отдельных аспектах другие страны мира. Логично считать способность иметь национальные технологии (и / или высокотехнологические товары) на уровне «как у всех» задачей-минимумом, а способность создавать то, чего «ни у кого нет», совершать опережающие прорывы (становиться технологическим лидером) — программой-максимумом, выполнение которой под силу лишь немногим странам мира. Именно на программу-максимум ориентирован, например, подход Д. Ю. Файкова и Д. Ю. Байдарова, которые рассматривают технологический суверенитет как «возможность и способность страны независимо от внешних воздействий выбирать, создавать, приобретать, использовать, продвигать технологии, которые обеспечивают геополитическое лидерство и преимущества в долгосрочном развитии» (Байдаров, Файков, 2023, с. 76).

Чаще всего общие определения технологического суверенитета дают всё же без максимализма — в «мягкой» форме, которая в принципе подходит для любых более-менее развитых современных стран. При этом его могут определять не только позитивно, через *наличие возможностей к самостоятельному технологическому развитию*, но и негативно, как *отсутствие технологической зависимости от других стран*. Так, в работе (Приходько, 2022, с. 94) технологический суверенитет определяется как «достигнутая степень локализации мирового процесса создания технологий, обеспечивающая такое влияние на технологический процесс стран-партнеров международного технологического обмена и кооперации, которое бы делало неприемлемыми для данных стран издержки ограничения свободы использования иностранных технологий отечественными компаниями». Пример же позитивного определения дают Я. Эдлер и его коллеги (Edler et al., 2023), в котором технологический суверенитет понимается как доступ национального правительства к технологиям, критичным для благосостояния, конкурентоспособности и свободы действий, и обеспечение такого доступа за счет внутреннего производства либо импорта без односторонней структурной зависимости.

Несмотря на обилие научных публикаций, содержательное значение термина «технологический суверенитет / технологическая независимость» в России в целом еще не устоялось. Наряду с разноголосицей определений, встречается подмена понятий, когда «технологический суверенитет» путают с близкими понятиями, например, с такими как «импортозамещение» и «технологическое лидерство».

3. «Импортозамещение» и «технологическое лидерство» как (мнимые) синонимы «технологического суверенитета»

Импортозамещение правомерно рассматривать как минимальный уровень технологического суверенитета. Что же касается технологического лидерства, то оно есть высший его уровень.

Как и с «технологическим суверенитетом», единого определения понятия «импортозамещение» нет. Одни авторы обозначают его как *увеличение выпуска национальных товаров* для сокращения импорта благодаря росту конкурентоспособности отечественной продукции; другие — как политику по *снижению доли импорта* путем стимулирования отечественных производителей и принятия протекционистских мер. В специфических санкционных реалиях России 2020-х гг. наиболее подходящим представляется определение Д. А. Смирнова, предложенное почти 15 лет назад: импортозамещение — это государственная политика, направленная на замещение в закупках высокотехнологичной продукции зарубежного производства отечественными аналогами путем стимулирования локализации производства и трансфера технологий[1]. Обсуждение политики импортозамещения в российской экономике началось отнюдь не после «антикрымских» санкций 2014 г., а еще с начала 1990-х гг. Тогда в условиях массированного притока в Россию импорта многие отечественные производители уходили с рынка, разоряясь и увеличивая безработицу, так что государство, несмотря на приоритет либеральной политики, задействовало некоторые меры по ограничению иностранной продукции — таможенные барьеры, фитосанитарные ограничения и т. д. (Титова, Восканян, 2021). Впрочем, в 1990–2000-х гг. эта протекционистская политика хотя и приостановила спад производства, но не привела к значимым результатам с точки зрения роста самостоятельности российского бизнеса. Иностранные фирмы чаще организовывали в России предприятия лишь по сборке своей продукции (не по полному производственному циклу), не передавая российским предприятиям свои технологии. Резкий перелом в импортозамещении произошел только в 2022 г., когда по политическим причинам зарубежный бизнес массово ушел из России, «добровольно» отдавая свою долю рынка российскому бизнесу.

Сопоставление концептов «импортозамещения» и «технологического суверенитета» приводит к выводу, что первый подразумевает, скорее, «догоняющее» развитие технологий (замещение тех, которые уже есть), в то время как второй — не только импортонезависимость, но и прицел на опережающее развитие (способность к технологической инноватике) (Капогузов, Шерешева, 2024). Правда, трактовка импортозамещения как подразумевающегося догоняющего развития (достижения суверенитета в области обычных, не-передовых технологий) не единственна. В отечественной литературе высказывалось мнение, что импортозамещение может быть также упреждающим и опережающим. Согласно (Васильева, 2017), ипортозамещение подразумевает создание основы для перехода к новому технологическому укладу. Есть прямые высказывания, (например, Тюкавкин, Анисимова, 2023), что государство при разработке политики импортозамещения должно ставить перед собой задачу по созданию не только собственных технологий *превосходства* промышленной продукции, но и технологий *опережающего* развития. Однако такие максималистские подходы в целом для обсуждения импортозамещения не характерны.

Нацеленность на максимальную результативность технологической самостоятельности типична для иного дискурса — обсуждений технологического лидерства. Его отличие от технологического суверенитета заключается в том, что подразумевается обладание не просто *передовыми* (но уже распространенными), а *уникаль-*

[1] Смирнов, Д. А. (2012). *Методы организации инновационного развития электросетевого комплекса России на основе импортозамещения оборудования:* [дисс. ... канд. экон. наук]. Санкт-Петербург.

ными технологиями[1]. Поэтому, строго говоря, о продукции, основанной на уникальных технологиях, нельзя говорить как об импортозамещении, хотя, когда речь идет о задачах импортозамещения по стимулированию технологий опережающего развития, предполагается именно возможность создания чего-то уникального[2].

Технологическое лидерство органично связано с высоким местом страны в современном мире. С одной стороны, создание уникальных технологий требует высокого уровня производства и кадров, а часто и высоких затрат, которые могут позволить себе только сильные страны (в качестве примера можно вспомнить о производстве антиковидной вакцины, которое смогло оперативно до конца 2020 г. наладить лишь считанное число ведущих стран, включая Россию). С другой стороны, технологическое лидерство укрепляет международное влияние страны, выступая одновременно фактором «мягкой силы», источником национальных доходов и элементом военно-промышленного потенциала. При этом технологическое лидерство относительно: лидерство в одних отраслях может сопровождаться низким уровнем технологического суверенитета в других. Поскольку с развитием научно-технического прогресса «лидерские» технологии получают распространение среди всё более широкого круга стран, то некогда достигнутое лидерство в отрасли может утратиться.

«Технологическое лидерство» однозначно подразумевает опережающее (перегоняющее) технологическое развитие страны, в то время как более общий «технологический суверенитет» и тем более «импортозамещение» — скорее, догоняющее (Левин, Саблин, 2021; Ленчук, 2024). Поэтому в Концепции научно-технологического развития РФ до 2030 г. акцентируется внимание на задачах именно технологического суверенитета, но не лидерства. Впрочем, «технологическое лидерство», для которого технологическая независимость является лишь начальным фундаментом, обозначено как одна из главных *перспективных* целей России в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[3].

4. «Белые пятна» современных дискурсов технологического суверенитета

Обзор взаимосвязанных (но не совпадающих) дискурсов об «импортозамещении», «технологическом суверенитете» и «технологическом лидерстве» порождает некоторые важные вопросы.

Прежде всего *с чем связана стремительно нарастающая в последние десятилетия актуализация этих дискурсов?*

Для российского наблюдателя это выглядит как продолжение событий, связанных с распадом СССР: в 2000-х гг. новая Россия, главный наследник Советского

[1] О различиях терминов-концептов «технологический суверенитет» и «технологическое лидерство» см. (Безруков и др., 2024).

[2] Как отмечают Д. Ю. Файков и Д. Ю. Байдаров, «государство можно назвать технологическим лидером, если технологии и высокотехнологичная продукция организаций этого государства являются лидирующими в разных секторах мирового рынка в длительном периоде; используются потребителями многих стран. […] Компании могут разместить производство в разных странах, поэтому страны – технологические лидеры не всегда и не по всем видам товаров являются основными производителями, но всегда — держателями передовых технологий, на основе которых производится высокотехнологичная продукция» (Файков, Байдаров, 2025, с. 268).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». [Электронный ресурс]. http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 15.05.2026).

Союза, завершила трансформационную перестройку и в российском политическом дискурсе стала «подниматься с колен», в ответ на что в российском официально-политическом дискурсе действия коллективного Запада стали трактоваться как русофобская политика, провоцирующую эскалацию напряженности и силовых действий. Взаимная «война санкций», начавшаяся уже в 2014 г., лишила Россию и ранее ограниченного доступа к западным высоким технологиям и высокотехнологическим товарам, потребовав качественного усиления самообеспеченности. С точки зрения официальных западных кругов, ситуация выглядит зеркально: политика антироссийских санкций трактуется как мера сдерживания потенциального и реального «агрессора», поскольку Россия уже во второй половине 2000-х гг. ясно обозначила стремление вернуться к советской «гегемонистской» внешней политике, добавив к этому после консервативного поворота в 2013 г. жесткое осуждение современных культурных ценностей Запада.

Однако такое конъюнктурное объяснение схватывает лишь самый поверхностный уровень событий. Ведь сам дискурс «технологического суверенитета» начал формироваться на Западе (не в России!) отнюдь не в 2000-х гг. Резкое увеличение научных работ об этом произошло в 2010-х гг. и действительно во многом в контексте ситуации в России[1], но основы обсуждения были заложены еще в начале 1980-х гг. В публикациях российских авторов чаще всего ссылаются на статью П. Гранта о проблемах самостоятельности высокотехнологического развития Австралии как «индустриальной нации второго ранга» (Grant, 1983, p. 239). Однако эпизодически данное понятие употреблялось и раньше, причем тоже применительно к ситуации в развитых странах именно «второго ранга». Так, еще в 1967 г. Научный совет Канады разработал стратегию «технологического суверенитета», где это понятие определялось в качестве инструмента «развития и контроля над технологиями как средство поддержания национального суверенитета» (Globerman, 1978, p. 43). Перелом произошел в 1980-х гг. и особенно в начале XXI в., когда забота о технологическом суверенитете постепенно стала рассматриваться — отнюдь не только в связи с ситуацией в России — как универсальная проблема, актуальная для *всех* более-менее развитых стран.

При этом в научном обсуждении сохраняется специфика этой проблемы для разных групп стран. В 2020-х гг. хорошо заметны два почти изолированных друг от друга (они содержательно пересекаются, но взаимные ссылки в публикациях редки) дискурса технологического суверенитета — западноевропейский и российский. Если в России обсуждение технологического суверенитета есть в первую очередь элемент общей секьюритизации (сосредоточенности на проблемах безопасности, защиты от давления коллективного Запада), то в Западной Европе такие вопросы чаще обсуждают в контексте новых условий глобальной экономической конкуренции и борьбы за рынки сбыта[2]. И если российские дискурсы «технологи-

[1] Контент-анализ международной академической литературы показал, что из 93 англоязычных академических статей, проиндексированных за 2000–2024 гг. в базе Scopus и затрагивающих проблематику технологического суверенитета, лишь 6 опубликованы до 2009 г. включительно, еще 10 статей в 2010–2019 г., а остальные 78 работ относятся к 2020-м гг., причем с 2022 г. число статей по данной теме ежегодно резко увеличивалось (Капогузов и др., 2024, с. 26).

[2] Например, подводя предварительные итоги конкуренции вакцин во время борьбы с пандемией COVID-19, итальянские экономисты в 2021 г. указывали, что «сильная технологическая и производственная зависимость, продемонстрированная ЕС в отношении США и Китая в ключевых

ческого суверенитета» можно во многом считать конъюнктурной реакцией на конфликт с Западом, то западные дискурсы связаны далеко не только и не столько с ним. Ситуацию конфликта с Западом, связанного с экономическими санкциями и потому стимулирующего повышенную заботу о самостоятельности национального (высоко)технологического развития, переживает не только Россия, но также, например, Иран, в меньшей степени Китай (см. (Нуреев, 2017) и др.[1]). Поэтому требует объяснения формирование не только западного (не связанного с Россией) дискурса технологического суверенитета, но также сильное ухудшение в последние 10–15 лет отношений Запада с целым рядом (помимо России) стран догоняющего развития, чья технологическая самостоятельность оказалась под сильной угрозой.

Другой важный вопрос, слабо акцентируемый в российских дискурсах о технологической безопасности, — *кто является субъектом технологического суверенитета?*

Органическая связь дискурсов про «технологический суверенитет» и «антироссийские санкции» создает для российских обществоведов априорную — политически и публицистически акцентированную — рамку обсуждения, когда основное внимание обращено на конфликт политических элит России с политическими элитами ведущих стран Запада (прежде всего США и ЕС). Налицо парадокс: хотя собственниками технологий и производителями высокотехнологической продукции являются в основном коммерческие *фирмы*, но главным субъектом (носителем) технологического суверенитета в России и за рубежом всегда считают национальное *государство* (правительство), хотя крупные ТНК могут успешно ограничивать доступ зарубежных акторов к важным технологиям и своими собственными силами[2]. Соответственно, и в качестве противников технологической независимости тоже называют страны-конкуренты. Сам термин «суверенитет», взятый из политологического дискурса, подталкивает именно к такому отождествлению.

Активизация дискурса о технологическом суверенитете объективно отражает возросшую роль национальных государств как акторов современной социально-политической жизни[3]. Тренд на относительное *снижение* его роли как макрорегулятора экономики определенно сменился, как свидетельствуют обсуждения технологической независимости, трендом на *возрастание* этой роли. Это проявляется не только в том, например, что правительства коллективного Запада

областях (от здравоохранения до цифровых устройств), привела к особенно слабому положению при столкновении с непредсказуемыми и серьезными событиями…» (Crespi et al., 2021, p. 352). О различиях российского и западноевропейского подходов к трактовке технологического суверенитета см., например, (Потапцева, Акбердина, 2023).

[1] Тимофеев, И. Н., Рождественская, О. С., Соколова, Т. С., Чуприянова, П. И. (2024). *Политика санкций: понятие, институты, практика:* учебно-методические материалы № 11. Москва: НП РСМД, 96.

[2] Для иллюстрации сошлемся на кейс из российской практики 2010-х гг.: «Купило предприятие, к примеру, аддитивную машину у шведской компании Arcam. Понадобилось температуру поднять на платформе до 1000 градусов, чтобы сделать нужную деталь. А в программе ограничение стоит не выше 600 градусов. Пытаются изменить — машина выключается. В ответ на просьбу изменить параметры производитель ответил: “Вам хватит 600 градусов”» (цит. по (Ульянов, 2017)). Здесь нет никакой политической подоплёки, но для описания данной ситуации с западным «черным ящиком» (технологией без доступа к коду или устройству) не без оснований использован термин «технологическое рабство».

[3] В этой связи отмечается, что научные работы западноевропейских экономистов начала 2020-х гг. о технологическом суверенитете «расширяют концепцию до уровня возвращения правительствам развитых стран центральной роли в формировании национальных инновационных систем» (Гареев, 2023, с. 39).

организуют антироссийские санкции, а правительство России организует их отражение. Государство остается не только собственником многих высокотехнологических предприятий и научных центров (вспомним хотя бы российский Росатом — мировой лидер атомной промышленности), но и заказчиком высокотехнологической (связанной не только с ВПК) продукции. Этот тренд на рост социально-экономической роли государства в последние десятилетия всегда образует рамку обсуждения технологического суверенитета, но его редко осмысляют как явление, само по себе требующее специального объяснения.

Наконец, третий важный вопрос, который остается «белым пятном» в обсуждениях технологического суверенитета, — *каковы ожидаемые финальные результаты и границы независимости национального технологического развития?* Почти всегда оговаривается, что полная технологическая автаркия и самодостаточность принципиально не могут быть целями национальной политики. Но что же тогда является конечной целью борьбы за технологическую независимость?

Вспомним предложенную почти век назад концепцию вызовов-и-ответов А. Тойнби (Тойнби, Хантингтон, 2020): общество плохо развивается и при очень высоких угрозах (опасностях), и при очень низких, так что есть определенный для конкретного общества в конкретную историческую эпоху оптимум, когда уровень угроз больше стимулирует развитие, чем угнетает его. Эта логическая модель подходит и для проблемы технологического суверенитета: зависимость национальной экономики от импорта товаров и технологий становится вызовом, а борьба за технологическую независимость — ответом на этот вызов.

В таком случае нужно сформулировать хотя бы примерные характеристики этого оптимума для разных групп стран[1], поскольку качественно разные страны-нации объективно нуждаются в разных уровнях (не)зависимости от внешних угроз, связанных с перспективой «технологического рабства», участи придатка к каким-то другим странам. В частности, максималистские трактовки технологического суверенитета (в стиле «иметь возможность существенно влиять на геоэкономику и геополитику») актуальны для, например, России и США, но мало актуальны даже для большинства стран Западной Европы (типа Швеции или Италии). При этом актуализация проблемы технологического суверенитета в любой форме — сам по себе показатель высокого уровня развития национальной экономики. Ведь для бедных стран догоняющего развития (в частности, для почти всех стран Африки к югу от Сахары) многоаспектная экономическая зависимость от богатых стран является имманентной нормой, ради борьбы с бедностью им приходится соглашаться с любыми формами технологической зависимости.

Перечисленные «белые пятна» обсуждения проблем технологического суверенитета показывают, что это обсуждение остро нуждается в осмыслении его с позиций какой-либо «большой теории», дающей макросоциологический и макроэкономический обзор длительных тенденций развития. Такой теорией, по мнению авторов, наиболее логично считать мир-системный анализ.

[1] О многообразии количественных индикаторов технологической безопасности и сложности их интеграции см., например, (Юревич, 2023). Но наряду с проблемой количественных индикаторов есть более рамочная и более важная проблема качественных рамочных критериев (безопасности от кого? безопасности в каких сферах / отраслях? и др.).

5. Мир-системный взгляд на контекст борьбы за технологический суверенитет

Мир-системный анализ (МСА), сформировавшийся на Западе в 1970–1980-х гг. в академической среде левой (постмарксистской) ориентации, является последней пока попыткой предложить обществоведам «объяснение всего» — «большую теорию», которая способна оригинально и комплексно теоретизировать социально-экономическое развитие глобальной цивилизации в целом и отдельных стран в частности. Основоположником этого научного направления является американский социолог И. Валлерстайн: формирование МСА связывают прежде всего с его издаваемой с 1970-х гг. монографией «Мир-система Модерна» (Wallerstein, 1974–2011; Валлерстайн, 2015–2016). Наряду с ним, большой вклад в МСА внесли также труды С. Амина (Amin, 1990), Д. Арриги (2006[1994]), К. Чейз-Данна (Chase-Dunn, 1998) и других обществоведов, включая российских — в частности, социолога Б.Ю. Кагарлицкого[1] (2009), историка А.В. Коротаева (Гринин, Коротаев, 2012), и многих других. Несмотря на очень высокий потенциал МСА для объяснения проблем современной России, этот подход используется нашими обществоведами нечасто (положительные примеры — работы (Дзарасов, 2021; Филин, 2023)). Пока нет научных работ, прямо связывающих актуализацию дискурсов о технологическом суверенитете с перестройкой современной мир-системы (хотя некоторые подходы к этому есть, например, в статье (Латов, 2022)). Именно МСА предлагает, на наш взгляд, комплексные ответы на те вопросы, которые ранее были выделены как «белые пятна» российского дискурса о технологическом суверенитете.

Главная идея мир-системных теорий — взгляд на развитие отдельных стран как элементов эволюции единой общемировой системы государств разного уровня развития и различного международного влияния, сложившейся в XVI–XVIII вв. и уничтожившей все докапиталистические мир-системы Старого Света. В этой современной (капиталистической) мир-системе идет непрерывная борьба за доминирование — за право сильных навязывать менее сильным странам выгодные «правила игры», оставаясь максимально свободными от их ответного давления. Такое доминирование позволяет если не прямо эксплуатировать зависимые страны (перехватывать часть их прибавочного продукта), то по крайней мере угнетать их (препятствовать производству ими потенциально возможного прибавочного продукта, расширяя при этом свои производственные возможности).

Роль мировых регуляторов играет ограниченное число стран ядра, которые не только экономически высоко развиты, но и получают дополнительные выгоды от доминирования в глобальной экономике и политике. Эти страны глобального Севера являются конкурентами друг другу, так что даже самые сильные из них находятся под давлением различных вызовов со стороны других сильных стран, однако их суверенность во всех сферах максимальна. Среди стран ядра обычно выделяется самая сильная страна-сверхдержава (Великобритания в XIX в., США в XX в.), играющая роль главного глобального лидера-регулятора. На противоположном полюсе находится *периферия* — основная масса стран глобального Юга, которые слабо развиты и вынуждены принимать доминирование стран ядра, хотя и имеют шансы на определенную самостоятельность, если им удается играть на противоречиях между сильными странами. Между этими полюсами находится *полупериферия* — страны, которые в одних аспектах принимают доминирование ядра, но в других аспектах проявляют

[1] Б.Ю. Кагарлицкий включен в 2022 г. Минюстом РФ в список иностранных агентов.

существенную самостоятельность и даже сами стараются доминировать над некоторыми периферийными странами.

Конечно, каждая страна в этой многовековой глобальной «игре» старается повысить свой ранг: страны ядра хотят стать сверхдержавами, периферийные страны стремятся в полупериферию, полупериферийные рвутся в ядро и т. д. Эта конкурентная борьба всех стран-наций против всех является одним из моторов глобального развития, поскольку конкуренция — игра с положительной суммой. Очень немногим странам удалось проделать путь от периферии до ядра (из неевропейских стран, в сущности, только Японии); обычно в своем развитии страны чередуют периоды роста своей значимости с периодами ее понижения. С течением времени меняются и «правила игры» в мир-системе, и состав всех трех групп «игроков».

Для понимания проблематики технологического суверенитета в контексте МСА нужно обратить внимание на концепцию «пяти монополий», сформулированную франко-египетским экономистом С. Амином (1931–2018). Она объясняет, почему странам (полу)периферии (речь идет в первую очередь о бывших колониях, но это объяснение подходит и для других не-ядровых стран) трудно освободиться от контроля со стороны стран ядра. Даже если страны периферии получают политический суверенитет и успешно индустриализируются, ядро сохраняет контроль над ними через пять ключевых областей. Это технологическая монополия (контроль над НИОКР), монополия на финансовых рынках (через контроль над политикой международного кредитования), монополия на природные ресурсы (военно-политический контроль за их поставками в страны ядра), монополия на информационные коммуникации и СМИ (глобальное информационное и культурное влияние как «мягкая сила») и, наконец, монополия на современное вооружение (как проекция на ВПК технологической монополии) (Amin, 1990, 1997)[1].

В этом перечне наиболее важна именно технологическая монополия: страны ядра поставляют (полу)периферийным странам многие (но не все) высокотехнологические товары и даже нередко оборудование для их производства, но не дают доступа к процессу *создания* новых технологий. Поэтому отстающие страны хотя и сближаются с высоко развитыми, но принципиально не могут их догнать и тем более перегнать, используя только передаваемые им «вчерашние», уже освоенные ядром технологии.

Чтобы преодолеть эту обреченность на отставание, страны догоняющего развития должны, по мнению С. Амина, провести *«отсоединение» (delinking)* от глобального рынка: не отказываясь от внешнеэкономических связей, перестроить их в своих интересах для максимального ослабления всех пяти монополий стран ядра. Конечно, это сопряжено с политической конфронтацией и существенными потерями на первых порах, но в перспективе способно обеспечить прорыв в уровне самостоятельности национальной экономики, а тем самым и в переходе от догоняющего к перегоняющему развитию. Наиболее успешным примером такой стратегии С. Амин считал опыт Китая (Amin, 1982). Такая интеграция способствовала достижению ею высокой технологической самостоятельности за счет государственного

[1] Возможна апелляция и к другим лево-радикальным концепциям, например, к теории А. Эммануэля о неэквивалентном обмене в международной торговле (см., например, (Sharma, 2023)), к теории периферийного капитализма Р. Пребиша и др. Большая роль монополизации странами глобального Севера достижений НТР как инструмента «неоколониализма» в отношении стран глобального Юга еще в последней трети XX в. стала своего рода общим местом в левой критике современного мирового хозяйства.

планирования экономики и принудительной передачи технологий как условия допуска в КНР зарубежных ТНК (Macheda & Nadalini, 2021).

Борьба за технологический суверенитет — не единственная форма конкурентной борьбы стран-наций в капиталистической мир-системе. Проследим, как она возникла и как соотносилась с другими формами этой конкуренции, обращая основное внимание на динамику ранга России.

6. Динамика технологического суверенитета России в мир-системе модерна

С начала эпохи Великих географических открытий до завершения наполеоновских войн главной формой конкуренции за лидерство в мир-системе были прямые военные действия, хотя уже тогда социально-экономические факторы играли большую роль. К странам-лидерам, которые делили мир и доминировали над другими странами, относились в то время не более десятка западноевропейских стран, причем и их состав, и вес динамично менялись. Пионеры колониальной экспансии, Португалия и Испания, постепенно понизили ранг до полупериферийного, а Англия в XVIII в. стала «владычицей морей», оттеснив Голландию и Францию.

До промышленного переворота производственные технологии разных стран в условиях высокой миграции специалистов еще не сильно различались. Поэтому Петру I, сознательно проводящему курс догоняющего и перегоняющего развития, удалось за считанные десятилетия заложить фундамент современной для того времени промышленности. В результате Северной войны Россия в начале XVIII в. вытеснила Швецию (западноевропейского лидера второго ранга) из числа ведущих стран, доказав тем самым свои претензии на самостоятельность в формирующемся «концерте держав». Во времена Екатерины II из России в Англию экспортировались не только стратегическое сырье (корабельный лес и пенька для корабельных канатов), но и высокотехнологические товары (железо и сталь — хотя все же не изделия из них — с уральских заводов). В результате в начале XIX в. Россия с ее большой армией, сыгравшей решающую роль в победе над наполеоновской Францией, уже могла (пусть с большими оговорками) считаться страной ядра и даже играть роль «жандарма Европы».

Промышленный переворот, впервые произошедший в Великобритании конца XVIII в., качественно изменил факторы и формы конкуренции стран. Значение чисто военного потенциала снизилось, зато резко возросла роль экономических факторов — умение массово производить промтовары (включая новейшее вооружение) и находить рынки сбыта. Возросшая важность технологической инноватики подчеркивается формированием во всех странах ядра во второй половине XIX в. таких новых институтов, как патентная защита и промышленный шпионаж, обходящий эту защиту.

Для социально-экономически отстающей России эта смена правил конкуренции стран-наций оказалась неблагоприятной, поскольку она технологически отставала, став импортером промтоваров из Европы в обмен на экспорт сугубо сырьевых товаров. Крымская война 1853–1855 гг. показала, что без передовых промышленных технологий (умения не только производить дальнобойное оружие, но также строить сеть железных дорог и пароходы) многочисленность армии теряет значение, так что проигравшая Россия опустилась до полупериферийного положения. На протяжении XIX в. наша страна уверенно побеждала технологически и институционально отставших периферийных соседей (Турцию, Персию,

среднеазиатские ханства, Китай), однако ее технологическое влияние на западноевропейское ядро оставалось слабым. В России уже была вполне современная наука, но не сформировались институты внедрения инновационных изобретений в массовое производство (см., например, (Латова, Латов, 2014))[1]. В результате в начале XX в. Российская империя снова продемонстрировала неспособность играть роль сильной страны как в экономике, так и на полях сражений. После катастрофического поражения в Русско-японской войне (от полупериферийной тогда Японии, воевавшей в значительной степени западноевропейским оружием) и неудачного в целом участия в Первой мировой войне Россия рисковала потерять даже полупериферийный ранг. Производственная разруха в Гражданскую войну усугубила угрозу потери экономической самостоятельности.

Для повышения глобальной роли России большевики использовали метод, впервые апробированный в конце XVIII в. буржуазными революционерами Соединенных Штатов Америки и Франции: если страна позиционирует себя как глобальный центр революционных идей и прямого экспорта революции, то она заведомо сильно влияет на все другие страны. Выгоды от этого неоднозначны, поскольку на первых порах против революционной страны объединяются все прежние страны-лидеры. Но если интервенцию удается отбить, то имидж эпицентра мировой революции становится мощным фактором «мягкой силы», который трансформируется в реальные материальные выгоды (например, облегчает привлечение иностранных специалистов и промышленный шпионаж благодаря помощи «сочувствующих»). Самое главное, сильное государственное регулирование и революционная идеология, объединенные с лозунгами отпора внешней реакции, консолидируют нацию и мощно стимулируют производственную инноватику. Поэтому в 1930–1960-е гг. СССР смог не только восстановить промышленность на почти современном уровне, убедительно продемонстрировать военную силу во Второй мировой войне и в период холодной войны, но и совершить прорывы мирового значения в ряде высоких технологий (в сферах военного и мирного атома, а также космонавтики), демонстрируя технологическую самодостаточность в тяжелой промышленности.

Технологический суверенитет во всех существенных (с точки зрения руководства страны) отраслях был естественной нормой советской модели экономики. К 1960-м гг. СССР стал, несмотря на относительно низкий уровень жизни населения, одним из полюсов геополитики — ядерной сверхдержавой и потому страной ядра, вырабатывающей «правила игры» для одних стран и сильно влияющей на другие. Это доминирование обосновывалось правом и даже обязанностью страны «победившего социализма» не только прямо вести за собой к прогрессу Восточную Европу, Китай и т. д., но и активно поддерживать «антиимпериалистических» революционеров «третьего мира».

Однако советский период нашей истории в ускоренном темпе парадоксально повторил цикл истории Российской империи Романовых, которые вывели страну из Смуты и успешно провели петровскую модернизацию, но в финале довели страну до новой смуты. Это во многом связано с развернувшейся в 1960-е гг.

[1] Например, хотя «век электричества» начался в 1870-х гг. с изобретений «свечи Яблочкова» и лампочки Лодыгина (превратившейся после доработок в лампочку Эдисона), пионером и лидером электроэнергетики стали в 1880–1890-х гг. Соединенные Штаты Америки, а не Россия.

научно-технической революцией, которая, как раньше промышленная революция, снова существенно изменила глобальные «правила игры». Теперь основную роль в экономике стала играть не промышленность, ориентированная на массовый выпуск стабильного ассортимента, а быстро меняющаяся наукоемкая продукция не только промышленности (например, компьютеры), но и сервиса (например, программное обеспечение) (см. подробнее (Латова, Латов, 2014)).

К быстрому обновлению наукоемкой продукции СССР адаптироваться не смог, и в 1970-е гг. произошла смена его восходящего влияния в мир-системе на нисходящее. Внешними проявлениями стали поражение СССР в «лунной гонке» (1969 г.) и провал «советизации» Афганистана (1979–1989 гг.). Более важными были, однако, неудачи именно в области высокотехнологического развития: начало «века компьютеров и программного обеспечения» советское руководство пропустило; освоение в Западной Сибири мощных месторождений нефти и газа привело к росту их экспорта, но не к инновациям в нефтехимии. Попытка противопоставить капиталистической мир-системе социалистическую, институционально объединенную Варшавским договором и СЭВ, оказалась малоудачной. Из политического союза стран социалистического лагеря быстро выпали Югославия и Китай, экономические связи СССР и его политических сателлитов мало способствовали освоению высоких технологий (Вардомский, 2020). В результате поздний СССР постепенно усиливал интеграцию в капиталистическую мир-систему, теряя технологическую самостоятельность. С 1970-х гг. он приобретал черты сырьевого (нефтегазового) придатка стран Запада, уходя тем самым на полупериферию[1]. Отставание в технологиях и зависимость бюджета от цен на мировом топливном рынке (которые во второй половине 1980-х гг. сильно снизились) стали факторами дискредитации и гибели советского режима.

На протяжении 1990-х гг. постсоветская Россия балансировала на грани периферии и полупериферии, демонстрируя высокую зависимость и от импорта товаров во всех сферах, и от импортных технологий (собственные высокотехнологические заделы были в значительной степени утрачены), и от западных кредитов, и от прозападных идеологем. Югославские войны 1990-х гг. продемонстрировали, что Россия может лишь протестовать, но не может реально влиять на тревожные события, создающие опасную перспективу и для постсоветского пространства. Поэтому в 2000-х гг. начался новый, продолжающийся до сих пор, цикл попыток России войти в число сильных стран, регулирующих геополитику и геоэкономику, и ответных действий стран ядра, стремящихся «осадить» опасного конкурента. Результатом стала взрывная актуализация политики технологического суверенитета[2] (этапы ее становления в постсоветской России см. в работе (Потапцева и др., 2024, с. 834)). Уже через несколько месяцев после начала Специальной военной операции (СВО) в Украине, на пленарном заседании ПМЭФ 17 июня 2022 г., Президент РФ В.В. Путин заявил, что «сквозной принцип развития России — достижение технологического суверенитета, независимого от иностранных институтов».

[1] «При интеграции в мировую систему СССР занимал периферийное положение главным образом в качестве экспортера сырья» (Амин, 2017, с. 98).

[2] О буквально молниеносном формировании политического дискурса о технологическом суверенитете в России в 2022 г. см. (Сморгунов, 2022).

7. Мир-системное объяснение «белых пятен» современных дискурсов о технологическом суверенитете

Теперь с позиции МСА ответим на те ранее сформулированные вопросы, которые при обсуждении технологического суверенитета не находят корректного ответа или не замечаются.

С чем связана стремительно нарастающая в последние десятилетия актуализация обсуждений технологического суверенитета не только России, но и других стран? *С очередной перестройкой мир-системы* — прежде всего со сменой глобальных лидеров.

За последние три века роль главного глобального лидера сначала (на рубеже XVIII–XIX вв.) перешла от Голландии и Франции к Великобритании, потом (в первой половине XX в.) от Великобритании к США. Однако «американский век» оказался, похоже, короче «британского века». С конца XX в. экономическое, технологическое, идеологическое и военное первенства США постоянно подвергаются вызовам со стороны не только противников (прежде всего Китая), но и союзников (так, в роли международной валюты доллар частично оттеснен евро, созданным ЕС). Первенство Соединенных Штатов Америки еще сохраняется, однако за последние полвека есть тенденция к его снижению. Периоды смены глобального лидера мир-системы — это всегда время усиления противоборства сильных стран: старый лидер пытается удержать ускользающую власть, новые претенденты атакуют старого лидера и друг друга. Для сравнения вспомним 1910–1940-е гг., когда на фоне упадка Британской империи за роль новых глобальных лидеров в двух мировых войнах ожесточенно боролись Германия, США, Россия / СССР и Япония.

Актуализация технологической независимости — лишь одна из граней усилившегося еще в конце XX в. противоборства стран ядра и наиболее продвинутых полупериферийных стран. Страны ЕС хотят быть независимыми от США, Китай и Россия (как лидеры БРИКС и глобального Юга в целом) — от коллективного Запада. В то же время США и НАТО в целом (как коллективный военный инструмент Америки и стран ЕС) стремятся сдерживать конкурентов, демонстрируя последствия военно-политического и экономического противостояния жестким подавлением менее сильных оппонентов (как это было с Югославией в 1990-е гг. или с Венесуэлой и Ираном в начале 2026 г.).

Что касается сдерживания России как наиболее сильного и активного оппонента, то для этого в 2010–2020-е гг. используется известный с XX в. (со времен войн 1950–1970-х гг. в Корее и во Вьетнаме) метод прокси-конфликтов. Такое противоборство сильных стран, обладающих ядерным арсеналом, по состоянию на середину 2020-х гг. удерживает мир от сползания в полномасштабную третью мировую войну. В то же время оно усиливает стремление всех оппонентов Запада минимально зависеть от технологий стран ядра, чтобы в будущем не стать очередной мишенью санкционного давления.

Кто является субъектом технологического суверенитета? В первую очередь *государство как выразитель интересов национального бизнеса и нации в целом* (см. проблематизацию этого вопроса в работах (Сапир, 2020; Цедилин, 2024)). Борьба за технологический суверенитет является проявлением общего роста социально-экономических функций государства (правительства), и сама стимулирует рост его значимости.

Вопреки либеральному тезису, что государству в рыночном хозяйстве не надо выходить из амплуа «ночного сторожа», МСА подчеркивает, что без активной роли

государства преодолеть технологическую отсталость невозможно. Государство в капиталистической мир-системе *всегда* выполняло важные социально-экономические функции — прежде всего связанные с (пост)колониальной политикой в отношении стран (полу)периферии и с регулированием взаимоотношений стран ядра. Развертывание НТР, увеличившее затраты на НИОКР, усилило важность промышленной политики. Если раньше речь шла в основном о протекционистской защите внутреннего рынка (т. е. об импортозамещении), то теперь государство стало играть важную роль и в сфере технологической инноватики, прямо финансируя одни наукоемкие разработки (прежде всего связанные с ВПК) и стимулируя госзаказом другие. В периоды обострения конкуренции за глобальное лидерство (как было раньше на рубеже XVIII–XIX вв. и в 1910–1940-е гг.) роль государства растет еще сильнее. Именно оно ведет войны (прямые и через прокси-конфликты, «горячие» и «холодные»), организует санкции и контр-санкции, вырабатывает и транслирует идеологию национального единства в ответ на внешние вызовы. Ранее советские марксисты называли это, вслед за В.И. Лениным, «государственно-монополистическим капитализмом», для которого характерно соединение силы капиталистических монополий с силой государства. Действительно, в своей экономической политике государство работает в первую очередь с национальным «большим бизнесом» и выражает его интересы, которые, однако, могут существенно совпадать с интересами нации в целом. Кроме того, государство может организовывать «национализацию элиты» (см. обсуждение (Латов, 2020)), меняя персонификаторов «большого бизнеса» в соответствии с собственными приоритетами.

Связанное с ростом роли государства укрепление технологического суверенитета может создавать выгоды для широких групп граждан, поскольку в результате национальная экономика развивается лучше. В то же время критики этатизма не без оснований утверждают, что за ширмой заботы об общенациональных интересах может скрываться бюрократическое желание «отчитаться» (Цедилин, 2026) или даже защита узкогрупповых интересов национальной бюрократии и аффилированного с ним бизнеса. Такая опасность от усиления госрегулирования объективно существует, однако степень её реализации зависит от конкретных социально-политических условий в конкретной стране. Критики этатизма однозначно правы лишь в том, что государство (правительство) не должно быть монополистом в выработке стратегии и тактики конкурентной борьбы стран-наций в современной мир-системе.

Каковы в современных условиях финальные цели (ожидаемые результаты) и границы независимости национального технологического развития? Ответ на этот вопрос будет различаться в зависимости от того, к какой группе стран принадлежит в настоящее время страна, а также от того, к какой новой структуре мир-системы идет тренд современного развития.

Борьба за технологический суверенитет — как ее нередко называют, политика технонационализма (см., например, (Полухина, 2025)) — является элементом конкуренции страны-нации за лучшее место в иерархии капиталистической мир-системы. Эта иерархия имеет исторически преходящий характер, однако в ближайшие десятилетия дифференциация на ядро / полупериферию / периферию однозначно будет сохраняться. В то же время нет ясности, какой будет новая конфигурация стран ядра — как раньше (сверхдержава плюс лидеры первого ранга, участвующие в «концерте держав», плюс лидеры второго ранга) или сформируется что-то альтернативно иное. Для второй позиции есть веские основания.

С одной стороны, среди современных стран, конкурирующих с США за лидерство, нет таких, которые могли бы повторить опыт абсолютного лидерства Великобритании (в XIX в.) и США (в XX в.). Больше всего шансов на это у Китая, который уже стал по некоторым критериям (в частности, по объему ВВП по паритету покупательной способности) крупнейшей экономикой мира. В мир-системном дискурсе есть мнение, что современный мир уже превратился в арену дуоцентричной конкуренции между США и КНР (Lyu, 2026). Однако Китай пока не доказал способности систематически генерировать *прорывные* технологические инновации и тем самым войти в число глобальных технологических лидеров, хотя для этого есть большие заделы. Его способность генерировать для всех стран мира новые идеологемы и культурные образцы также пока не очевидна. Наконец, военный потенциал КНР велик, но не соразмерен США и России, которые гордятся многими победами на полях сражений, в то время как военные достижения и опыт Китая в последний век гораздо скромнее. У России ситуация в первом приближении не (намного) хуже, чем у КНР, с культурно-идеологическим и военным потенциалами, но похуже с экономическим и инновационно-технологическим. Другие страны, претендующие на роль новых лидеров, имеют еще меньше шансов. Каждая из стран БРИКС может быть региональным лидером (как Соединенные Штаты Америки в XIX в.), но ни одна не в силах существенно влиять на все страны мира (как США в XX в.).

С другой стороны, уже в XX в., наряду с отдельными странами, важными акторами мир-системы стали выступать различные союзы (блоки) стран, позволяющие объединять силы тех наций, которые сами по себе не могли бы сильно влиять на глобальные правила игры. Речь идет об экономических интеграционных блоках (типа ЕС), не-интеграционных союзах (ОЭСР как координирующая организация развитых стран, ОПЕК как организация стран-нефтеэкспортеров), политических (типа БРИКС) и военных (типа НАТО) объединениях. Ярко выраженная тенденция к коллективной акторности позволяет предположить, что на смену «американскому веку» придет доминирование не какой-то одной страны, а скорее какого-то межстранового объединения. Уже в последнее десятилетие в мире наблюдается противостояние трех центров силы (США, Евросоюз, Япония — основных членов ОЭСР) и БРИКС как своего рода «клуба» новых претендентов на участие в мировом лидерстве.

Логично предположить, что если вторая половина XX в. прошла под знаком противостояния США и СССР как двух сверхдержав, то для второй половины XXI в. будет типична антитеза коллективного Запада (примерно совпадающего с ОЭСР) и коллективного Востока (в лице расширенного БРИКС или ему подобного союза). *Формирование* такой *полицентричной мир-системы* можно рассматривать как желаемую перспективную цель современной политики России. Однако возможна и смена «американского века» «китайским веком». Мир находится в длительной бифуркационной ситуации. Выбор нового пути развития существенно зависит не только от объективных, но и от субъективных обстоятельств (в частности, от мастерства и амбиций политических лидеров ведущих мировых наций).

С учетом двойственности перспектив границы технологической независимости России тоже выглядят неоднозначно. Если мир находится на пороге «китайского века», то нашей стране нужно продолжать современную политику, поскольку замена США на КНР качественно не изменит характера угроз. Это значит, что нужно стремиться *иметь ключевые высокие технологии во всех основных сферах экономики*,

чтобы Китай не повторил с Россией то, что с ней сделал Запад в 1990-е гг., резко увеличив импорт и тем самым способствуя сокращению значительной части национального производства. Если же удастся реализовать переход от «американского века» к конкурентному дуализму «коллективного Запада» и «коллективного Востока», то напряженность борьбы за технологическую самостоятельность России будет ниже. Сама эта борьба останется: членство в одном блоке ослабляет стремление доминировать над союзником, но не отменяет его (это заметно, например, по взаимоотношениям между США и ЕС, а также внутри Евросоюза). Однако в отношении ценного и сильного союзника опасно применять методы прямого политического давления, так что речь будет идти о конкуренции, скорее, на уровне «большого бизнеса», национальных финансово-промышленных групп, чем правительств. Тогда допустимо *иметь технологическую независимость не по всем важным (ключевым) сферам экономики*, а лишь по некоторым, полагаясь в других сферах на высокотехнологический импорт из нескольких дружественных стран.

С точки зрения оптимизации уровня технологического суверенитета России важно видеть различия между ее партнерами по БРИКС. Этот блок существенно гетерогенен, как, впрочем, и другие экономические блоки, где тоже существует структура «ядро — периферия» (см., например, Ишуков, 2020). На одном полюсе находится технологический гигант КНР, независимый во всех существенных сферах экономики и готовящийся совершать инновационные прорывы. На другом полюсе — Бразилия и ЮАР, которые могут считаться технологическими лидерами только на уровне своих регионов (соответственно, Латинской Америки и Африки), но не сопоставимы по развитию высоких технологий с другими странами БРИКС. Между этими полюсами находятся Россия, которая имеет передовые технологии в относительно узком спектре отраслей (прежде всего связанных с ВПК), и Индия, также имеющая высокий уровень технологий в ограниченном числе сфер (прежде всего связанных с гражданской «цифровой экономикой»).

В результате технологическое сотрудничество России развивается в последнее десятилетие в первую очередь с Китаем, но гораздо меньше с другими членами БРИКС. Это создает опасность «попасть из огня в полымя» — уйдя от технологической зависимости от Запада, попасть в зависимость от Китая, имеющего сильные амбиции по повышению своей роли в капиталистической мир-системе. Современная конфигурация противоборства может воспроизвести логику исхода мировых войн XX в., когда в результате противоборства Германии с доминирующей Великобританией и ее союзниками главным победителем оказались Соединенные Штаты Америки. Такие опасения уже высказывались при обсуждении технологического суверенитета России, поскольку для них есть эмпирические основания (см., например, (Капогузов, Шерешева, 2026)).

8. Выводы

Заключительные выводы можно рассматривать как тезисный набросок социально-экономической теории технологического суверенитета с акцентом на его актуальность для России.

1. Проблематика технологического суверенитета должна рассматриваться в контексте мир-системного анализа, согласно которому борьба за самостоятельность стран-наций в применении и развитии передовых высоких технологий является одной из важнейших форм межстрановой конкуренции в современной мир-системе.

Она приобрела первостепенное значение после промышленного переворота (на рубеже XVIII–XIX вв.) и еще больше выросла после развертывания НТР (с 1960-х гг.). Актуализация высокотехнологического компонента стала одним из основных препятствий неоднократным попыткам России закрепиться в ядре мир-системы.

2. Технологический суверенитет в общем виде можно определить как наличие у экономически развитой страны возможности самостоятельного комплексного высокотехнологического развития, включая инновационные прорывы, или как отсутствие зависимости от других (потенциально или реально) враждебных стран в сфере высоких технологий. Он необходим для стран ядра, особенно актуален для стран полупериферии и мало значим для периферийных стран.

3. Борьбу за технологический суверенитет нужно отличать от политики импортозамещения (как более низкого уровня экономической самостоятельности страны-нации) и от нацеленности на технологическое лидерство (как наивысший уровень экономической самостоятельности). Чем выше уровень технологии, тем выше должна быть в отношении данной технологии национальная экономическая самостоятельность, если речь идет о странах ядра. Для повышения ранга страны в современной мир-системе необходимо повышать степень технологической самостоятельности — от снижения импортозависимости к достижению технологического лидерства.

4. Современная (с 2010-х гг.) актуализация обсуждений и политики технологического суверенитета объективно связана в первую очередь с общей перестройкой мир-системы в связи с приближающимся завершением «американского века» и формированием новой иерархии стран-наций. Россия и Китай выступают при этом авангардом «коллективного Востока» (олицетворяемого союзом БРИКС) в конкурентной борьбе против «коллективного Запада» (стран ОЭСР). При этом КНР завоевала более высокий технологический суверенитет, чем Россия, в то время как Россия в ходе конфликта вокруг Украины непосредственно противопоставляет себя Западу и подвергается из-за экономических санкций более сильным угрозам.

5. Борьба за национальный технологический суверенитет как комплексная политика относится прежде всего к функциям государства, хотя на уровне отдельных отраслей ее может вести и национальный (не-компрадорский) «большой бизнес». Рост в этой связи опасностей бюрократического этатизма неизбежен, но выгода от роста технологической независимости может повышать риски бюрократизации. Это связано с тем, что выгоды от такого роста часто имеют очень долгосрочный характер, в то время как издержки могут проявляться немедленно. Поэтому экономический расчет выгодности борьбы за технологический суверенитет становится политэкономическим, доступным только агентам макроуровня.

6. Наступление в 2022 г. современного этапа антироссийских санкций, остановивших поставки высокотехнологической продукции и услуг, продемонстрировало, что уровень технологического суверенитета во многих отраслях находится на недопустимо низком уровне. В результате технологический суверенитет перешел в разряд первостепенных приоритетов, «задачи задач». Фактически Россия стала осуществлять, по С. Амину, «отсоединение» от мирового хозяйства — перестраивать свое участие в мировом хозяйстве без подчинения существующим в нем «правилам игры».

7. Приоритеты тактики и стратегии укрепления технологического суверенитета России существенно зависят от перспектив развития капиталистической мир-системы — произойдет ли смена «американского века» «китайским», т. е. станет ли

КНР новой ведущей сверхдержавой или сложится полицентричная (более благоприятная для России) система глобального управления. В любом случае в настоящее время есть опасность замены технологической зависимости России от стран Запада технологической зависимостью от КНР.

Список источников

Абдулов, Р. Э., Реснов, Д. Г. (2022). Перспективы достижения технологического суверенитета и цифровизации в России на фоне беспрецедентного санкционного давления. *Креативная экономика*, *16*(12), 4591–4604. https://doi.org/10.18334/ce.16.12.117035

Амин, С. (2017). *Россия: долгий путь от капитализма к социализму.* Санкт-Петербург; Москва: ИНИР; Культурная революция, 147.

Арриги, Дж. (2006 [1994]). *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. Москва: Территория будущего, 472.

Афанасьев, А. А. (2023). Технологический суверенитет: варианты подходов к рассмотрению проблемы. *Вопросы инновационной экономики, 13*(2), 689–706. https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.117375

Афанасьев, А. А. (2025). Технологический суверенитет: сущность, цели и механизм достижения. *Вопросы инновационной экономики*, *15*(2), 469–488. https://doi.org/10.18334/vinec.15.2.122986

Байдаров, Д. Ю., Файков, Д. Ю. (2023). На пути к технологическому суверенитету: теоретические подходы, практика, предложения. *Экономическое возрождение России*, (1), 67–82. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82

Безруков, А. О., Байдаров, Д. Ю., Файков, Д. Ю. (2024). Технологическое лидерство государства: концептуальное понимание и механизмы формирования. *Экономическое возрождение России,* (1), 75–89. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2024-1-79-75-89

Валлерстайн, И. (2015–2016). *Мир-система Модерна*. Т. I–IV. Москва: Университет Д. Пожарского.

Вардомский, Л. Б. (2020). Забытая интеграция: провал и уроки Совета экономической взаимопомощи. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, *13*(3), 176–195. https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-3-10

Васильева, Л. В. (2017). Система классификационных признаков импортозамещения. Отв. ред. В. И. Герасимов, *Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник, Москва, 01–30 декабря 2016 года*, *12*(1) (с. 130–136). Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН. EDN ZOAJZV

Гареев, Т. Р. (2023). Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации. *Terra Economicus*, *21*(4), 38–54. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (2012). *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. Москва: Издательство ЛКИ, 480.

Дзарасов, Р. С. (2021). Положение на глобальном рынке как фактор экономического развития России. *Геоэкономика энергетики*, *16*(4), 120–131. https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_16_4_120

Ишуков, А. А. (2020). Развитие концепции «центр — периферия» на примере интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза. *Журнал экономической теории*, *17*(3), 589–599. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.6

Кагарлицкий, Б. Ю.[1] (2009). *Периферийная империя: циклы русской истории*. Москва: Алгоритм, Эксмо, 576.

Капогузов, Е. А., Пахалов, А. М. (2024). Технологический суверенитет: концептуальные подходы и восприятие российскими академическими экспертами. *Журнал Новой экономической ассоциации*, (3(64)), 244–250. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_244-250

[1] Б. Ю. Кагарлицкий включен в 2022 г. Минюстом РФ в список иностранных агентов.

Капогузов, Е. А., Пахалов, А. М., Шерешева, М. Ю. (2024). Российские дискурсы о технологическом суверенитете (по материалам экспертного опроса). *Социологические исследования*, (12), 24–37. https://doi.org/10.31857/S0132162524120037

Капогузов, Е. А., Шерешева, М. Ю. (2024). От импортозамещения к технологическому суверенитету: содержание дискурса и возможности нарративного анализа. *Terra Economicus*, *22*(3), 128–142. http://dx.doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-128-142

Капогузов, Е. А., Шерешева, М. Ю. (2026). Научно-технологическое сотрудничество со странами БРИКС как средство обеспечения технологического суверенитета (по материалам экспертного опроса). *Социологические исследования*, (1), 142–147. https://doi.org/10.7868/S3034601026010189

Кутюр, С., Тоупин, С. (2020). Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? *Вестник международных организаций*, *15*(4), 48–69. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-03

Латов, Ю. В. (2020). Дискурс о «национализации элит» как объект социологического анализа. *Социологические исследования*, (11), 128–138. https://doi.org/10.31857/S013216250010302-5

Латов, Ю. В. (2022). Концепты и эмпирика транзитного использования российского пространства. *Социологические исследования*, (8), 105–115. https://doi.org/10.31857/S013216250021067-6

Латова, Н. В., Латов, Ю. В. (2014). Становление технонауки как высшей стадии развития наукосферы. *Общественные науки и современность*, (5), 142–156.

Левин, С. Н., Саблин, К. С. (2021). Догоняющее развитие vs. опережающее развитие: от теоретических моделей к практикам государства развития. *Journal of Economic Regulation*, *12*(4), 60–70. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.4.060-070

Ленчук, Е. Б. (2024). Стратегическое планирование как инструмент обеспечения технологического суверенитета. *Научные труды Вольного экономического общества России*, *248*, 441–451. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-248-4-441-451

Нуреев, Р. М. (ред.) (2017). *Экономические санкции против России: ожидания и реальность*. Москва: КНОРУС, 194.

Петров, М. Н., Филиппов, Я. С. (2023). Технологический суверенитет: основные принципы концепции национальной научно-технологической безопасности. *Вопросы инновационной экономики*, *13*(3), 1185–1198. https://doi.org/10.18334/vinec.13.3.118646

Полухина, В. Д. (2025). Технологический национализм как фактор борьбы за лидерство среди ведущих государств на международной арене (на примере России, США и Китая). *Международные отношения*, (1), 159–175. https://doi.org/10.7256/2454-0641.2025.1.72318

Потапцева, Е. В., Акбердина, В. В. (2023). Технологический суверенитет: понятие, содержание и формы реализации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика, 25*(3), 5–16. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.3.1

Потапцева, Е. В., Акбердина, В. В., Пономарева, А. О. (2024). Концепция технологического суверенитета в современной государственной политике России. *AlterEconomics*, *21*(4), 818–842. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.9

Приходько, И. И. (2022). Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление*, *8*(4), 88–96.

Сапир, Ж. (2020). Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации. *Вопросы прогнозирования*, (2(179)), 3–12. EDN WRMRAQ

Сморгунов, Л. В. (2022). Доказательная политика технологического суверенитета и ее дизайн. *Южно-российский журнал социальных наук*, *23*(3), 6–19. https://doi.org/10.31429/26190567-23-3-6-19

Титова, О. В., Восканян, Н. А. (2021). Импортозамещение: понятие, сущность, особенности. *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*, (7(57)), 105–110. EDN WFKKBE

Тойнби, А. Д., Хантингтон, С. (2020). *Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации*. Москва: Родина, 288.

Тюкавкин, Н. М., Анисимова, В. Ю. (2023). Социально-технологические типы и модели реализации политики импортозамещения государствами и регионами. *Вестник Самарского университета. Экономика и управление, 14*(3), 145–157. http://doi.org/10.18287/2542-0461-2023-14-3-145-157

Ульянов, Н. (2017, 12 июня). Не попасть в технологическое рабство. *Монокль*. [Электронный ресурс]. https://monocle.ru/expert/2017/24/ne-popast-v-tehnologicheskoe-rabstvo (дата обращения: 15.06.2026).

Файков, Д. Ю., Байдаров, Д. Ю. (2025). Технологическая независимость, технологический суверенитет, технологическое лидерство: особенности стратегического выбора. *Научные труды Вольного экономического общества России, 253*(3), 265–275. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-265-275

Фальцман, В. К. (2018). Технологические суверенитеты России. Статистические измерения. *Современная Европа,* (3(82)), 83–91. https://doi.org/10.15211/soveurope320188391

Филин, А. Ю. (2023). Проблема государственного суверенитета в контексте мир-системного анализа. *Актуальные проблемы российского права*, *18*(12), 41–51. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.157.12.041-051

Цедилин, Л. И. (2024). Экономический суверенитет: понимание и обоснование в соответствии с новыми реалиями. *Вопросы теоретической экономики*, (2), 19–29. EDN FYYRCF

Цедилин, Л. И. (2026). Экономические аспекты технологического суверенитета. *AlterEconomics*, *23*(3), 827–844. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.15

Юревич, М. А. (2023) Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения. *Вопросы теоретической экономики*, (4), 7–21. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21

Amin, S. (1982). *The Future of Maoism*. New York: Monthly Review Press.

Amin, S. (1990). *Delinking: Towards a polycentric world*. London; N.J.: Zed Books.

Amin, S. (1997). *Capitalism in the age of globalization*: *The management of contemporary society*. London, New York: Zed Books, 158.

Chase-Dunn, C. (1998). *Global Formation: Structures of the World-Economy*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 452.

Couture, S., & Toupin, S. (2019). What does the notion of "sovereignty" mean when referring to the digital? *New Media & Society*, *21*(10), 2305–2322. https://doi.org/10.1177/1461444819865984

Crespi, F., Caravella, S., Menghini, M., & Salvatori, C. (2021). European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy strategy. *Intereconomics*, *56*(6), 348–354. https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6

Edler, J., Blind, K., Kroll, H., & Schubert, T. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. *Research Policy*, *52*(6), 104765. https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765

Globerman, S. (1978). Canadian Science Policy and Technological Sovereignty. *Canadian Public Policy / Analyse de Politiques*, *4*(1), 34–45. https://doi.org/10.2307/3549936

Grant, P. (1983). Technological sovereignty: Forgotten factor in the 'hi-tech' razzamatazz. *Prometheus, 1*(2). https://doi.org/10.1080/08109028308628930

Lyu, J. (2026). Revisiting World-Systems Theory in the age of Dual-Core competition. *Journal of World-Systems Research*, *32*(1), 236–261. https://doi.org/10.5195/jwsr.2026.1352

Macheda, F., & Nadalini, R. (2021). Samir Amin in Beijing: Delving into China's delinking policy. *Review of African Political Economy*, *48*(167). https://doi.org/10.1080/03056244.2020.1837094

Sharma, A. (2023). Assessing Core-Monopolization and the possibilities for the Semi-Periphery in the World-System today. *Journal of World-Systems Research*, *29*(2), 480–504. https://doi.org/10.5195/jwsr.2023.1189

Wallerstein, I. M. (1974-2011). *The Modern World-System*. (Vol. I–IV). University of California Press.

References

Abdulov, R. E., & Resnov, D. G. (2022). Prospects for technological sovereignty and digitalization in Russia amid unprecedented sanctions pressure. *Kreativnaya ekonomika [Creative Economy]*, *16*(12), 4591–4604. https://doi.org/10.18334/ce.16.12.117035 (In Russ.)

Afanasyev, A. A. (2023). Technological sovereignty: Variant approaches. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Russian Journal of Innovation Economics]*, *13*(2), 689–706. https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.117375 (In Russ.)

Afanasyev, A. A. (2025). Technological sovereignty: Nature, goals and mechanism of achievement. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Russian Journal of Innovation Economics]*, *15*(2), 469–488. https://doi.org/10.18334/vinec.15.2.122986 (In Russ.)

Amin, S. (1982). *The Future of Maoism*. New York: Monthly Review Press.

Amin, S. (1990). *Delinking: Towards a polycentric world*. London; N.J.: Zed Books.

Amin, S. (1997). *Capitalism in the age of globalization*: *The management of contemporary society*. London, New York: Zed Books, 158.

Amin, S. (2017). *Rossiya: dolgiy put'ot kapitalizma k sotsializmu [Russia and the long transition from capitalism to socialism]*. St. Petersburg; Moscow: INIR Publ.; Kul′turnaya revolyutsiya Publ., 147. (In Russ.)

Arrighi, G. (2006 [1994]). *Dolgiy dvadtsatyy vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni [The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times]*. Moscow: Territoriya Budushchego Publ., 472. (In Russ.)

Baydarov, D. Yu., & Faykov, D. Yu. (2023). Towards Technological Sovereignty: Theoretical Approaches, Practice, Suggestions. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii [Economic Revival of Russia]*, (1), 67–82. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82 (In Russ.)

Bezrukov, A. O., Baydarov, D. Yu., & Faikov, D. Yu. (2024). State Technological Leadership: Conceptual Understanding and Formation Mechanisms. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii [Economic Revival of Russia]*, (1), 75–89. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2024-1-79-75-89 (In Russ.)

Chase-Dunn, C. (1998) *Global Formation: Structures of the World-Economy*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 452.

Couture, S., & Toupin, S. (2019). What does the notion of "sovereignty" mean when referring to the digital? *New Media & Society*, *21*(10), 2305–2322. https://doi.org/10.1177/1461444819865984

Couture, S., & Toupin, S. (2020). What Does the Notion of "Sovereignty" Mean When Referring to the Digital? *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy [International Organisations Research Journal]*, *15*(4), 48–69. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-03 (In Russ.)

Crespi, F., Caravella, S., Menghini, M., & Salvatori, C. (2021). European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy strategy. *Intereconomics*, *56*(6), 348–354. https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6

Dzarasov, R. S. (2021). Position in the Global Market as a Factor of Economic Development of Russia. *Geoekonomika energetiki [Geoeconomics of Energetics]*, *16*(4), 120–131. https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_16_4_120 (In Russ.)

Edler, J., Blind, K., Kroll, H., & Schubert, T. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means. *Research Policy*, *52*(6), 104765. https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765

Faikov, D. Yu., & Baydarov, D. Yu. (2025). Technological independence, technological sovereignty, technological leadership: Features of strategic choice. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]*, *253*(3), 265–275. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-265-275 (In Russ.)

Faltsman, V. K. (2018). Statistical Measurements of Russia's Technological Sovereignty. *Sovremennaya Yevropa [Contemporary Europe]*, (3(82)), 83–91. https://doi.org/10.15211/soveurope320188391 (In Russ.)

Filin, A. Yu. (2023). The Problem of State Sovereignty in the Context of World-System Analysis. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law]*, *18*(12), 41–51. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.157.12.041-051 (In Russ.)

Gareev, T. R. (2023). Technological Sovereignty: From Conceptual Contradiction to Practical Implementation. *Terra Economicus*, *21*(4), 38–54. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54 (In Russ.)

Globerman, S. (1978). Canadian Science Policy and Technological Sovereignty. *Canadian Public Policy / Analyse de Politiques*, *4*(1), 34–45. https://doi.org/10.2307/3549936

Grant, P. (1983). Technological sovereignty: Forgotten factor in the 'hi-tech'razzamatazz. *Prometheus, 1*(2). https://doi.org/10.1080/08109028308628930

Grinin, L. E., & Korotayev, A. V. (2012). *Tsikly, krizisy, lovushki sovremennoy mir-sistemy. Issledovaniye kondrat'yevskikh, zhyuglyarovskikh i vekovykh tsiklov, global'nykh krizisov, mal'tuzianskikh i postmal'tuzianskikh lovushek [Cycles, Crises and Traps of the Modern World-System (Kondratiev's, Juglar's and Secular Cycles, Global Crises and the Malthusian and Post-Malthusian Traps]*. Moscow: LKI Publishing House, 480. (In Russ.)

Ishukov, A. A. (2020). The "Center-Periphery" Model for Analysis of Regional Integration (The Case of the European Union and the Eurasian Economic Union). *Zhurnal Economicheskoj Teorii [Russian Journal of Economic Theory]*, *17*(3), 589–599. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-3.6 (In Russ.)

Kagarlitsky, B. Yu. (2009). *Periferiynaya imperiya: tsikly russkoy istorii [Empire Periphery: Cycles of Russian History]*. Moscow: Algoritm Publ., Eksmo Publ., 576. (In Russ.)

Kapoguzov, E. A., & Pakhalov, A. M. (2024). Technological sovereignty: Conceptual approaches and perceptions by the Russian academic experts. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, (3(64)), 244–250. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_244-250 (In Russ.)

Kapoguzov, E. A., & Sheresheva, M. Yu. (2024). From import substitution to technological sovereignty: Related discourse and a narrative approach perspective. *Terra Economicus*, *22*(3), 128–142. http://dx.doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-128-142 (In Russ.)

Kapoguzov, E. A., & Sheresheva, M. Yu. (2026). Scientific and technological cooperation with the BRICS countries as a tool of ensuring technological sovereignty is (based on an expert survey). *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*, (1), 142–147. https://doi.org/10.7868/S3034601026010189 (In Russ.)

Kapoguzov, E. A., Pakhalov, A. M., & Sheresheva, M. Yu. (2024). Russian Discourses on Technological Sovereignty (Evidence from Expert Survey). *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*, (12), 24–37. https://doi.org/10.31857/S0132162524120037 (In Russ.)

Latov, Y. V. (2022). Concepts and Empirics of Transit Use of the Russian Space. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*, (8), 105–115. https://doi.org/10.31857/S013216250021067-6 (In Russ.)

Latov, Yu. V. (2020). Discourse on the "Nationalization of Elite" as an Object of Sociological Analysis. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*, (11), 128–138. https://doi.org/10.31857/S013216250010302-5 (In Russ.)

Latova, N. V., & Latov, Yu. V. (2014). The Formation of Technoscience as the Highest Stage of Development of the Scienosphere. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*, (5), 142–156. (In Russ.)

Lenchuk, E. B. (2024). Strategic Planning as a Tool for Ensuring Technological Sovereignty. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]*, *248*, 441–451. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-248-4-441-451 (In Russ.)

Levin, S. N., & Sablin, K. S. (2021). Catch-up development vs. forward-looking development: From theoretical models to developmental state practices. *Journal of Economic Regulation*, *12*(4), 60–70. https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.4.060-070 (In Russ.)

Lyu, J. (2026). Revisiting World-Systems Theory in the age of Dual-Core competition. *Journal of World-Systems Research*, *32*(1), 236–261. https://doi.org/10.5195/jwsr.2026.1352

Macheda, F., & Nadalini, R. (2021). Samir Amin in Beijing: Delving into China's delinking policy. *Review of African Political Economy*, *48*(167). https://doi.org/10.1080/03056244.2020.1837094

Nureev, R. M. (Ed.) (2017). *Ekonomicheskiye sanktsii protiv Rossii: ozhidaniya i real'nost' [Economic Sanctions against Russia: Expectations and Reality]*. Moscow: KNORUS Publ., 194. (In Russ.)

Petrov, M. N., & Filippov, Y. S. (2023). Technological Sovereignty: Basic Principles of the Concept of National Scientific and Technological Security. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Russian Journal of Innovation Economics]*, *13*(3), 1185–1198. https://doi.org/10.18334/vinec.13.3.118646 (In Russ.)

Poluhina, V. D. (2025). Technological Nationalism as a Factor in the Struggle for Leadership Among the Leading States in the International Arena (Using the Example of Russia, the USA and China). *Mezhdunarodnyye otnosheniya [International Relations]*, (1), 159–175. https://doi.org/10.7256/2454-0641.2025.1.72318 (In Russ.)

Potaptseva, E. V., & Akberdina, V. V. (2023). Technological Sovereignty: Concept, Content, and Forms of Implementation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Journal of Volgograd State University. Economics]*, *25*(3), 5–16. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.3.1 (In Russ.)

Potaptseva, E. V., Akberdina, V. V., & Ponomareva, A. O. (2024). The Concept of Technological Sovereignty in the State Policy of Contemporary Russia. *AlterEconomics*, *21*(4), 818–842. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.9 (In Russ.)

Prikhodko, I. I. (2022). Theoretical Aspects of the Concept of Technological Sovereignty. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravleniye [Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management]*, *8*(4), 88–96. (In Russ.)

Sapir, J. (2020). Basic Principles of Economic Sovereignty and the Question of the Forms of Its Exercise. *Studies on Russian Economic Development*, *31*(2), 129–135. https://doi.org/10.1134/s107570072002015x

Sharma, A. (2023). Assessing Core-Monopolization and the possibilities for the Semi-Periphery in the World-System today. *Journal of World-Systems Research*, *29*(2), 480–504. https://doi.org/10.5195/jwsr.2023.1189

Smorgunov, L. V. (2022). Evidence-Based Policy of Technological Sovereignty and Its Design. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk [South-Russian Journal of Social Sciences]*, *23*(3), 6–19. https://doi.org/10.31429/26190567-23-3-6-19 (In Russ.)

Titova, O. V., & Voskanyan, N. A. (2021). Import Substitution: Concept, Essence, Features. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya [Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement]*, (7(57)), 105–110. EDN WFKKBE (In Russ.)

Toynbee, A. J., & Huntington, S. P. (2020). *Vyzovy i otvety. Kak gibnut tsivilizatsii [Challenge and Response. How Civilizations Die]*. Moscow: Rodina Publ. (In Russ.)

Tsedilin, L. (2024). Economic Sovereignty: Understanding and Justification in Accordance with New Realities. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues Of Economic Theory]*, (2), 19–29. EDN FYYRCF (In Russ.)

Tsedilin, L. I. (2026). Economic Aspects of Technological Sovereignty. *AlterEconomics, 23*(3), 827–844. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.15 (In Russ.)

Tyukavkin, N. M., & Anisimova, V. Y. (2023). Socio-technological types and models of implementation of import substitution policy by states and regions. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie [Vestnik of Samara University. Economics and Management], 14*(3), 145–157. http://doi.org/10.18287/2542-0461-2023-14-3-145-157 (In Russ.)

Ulyanov, N. (2017, June 12). Avoiding Technological Slavery. *Monokl' [Monocle]*. https://monocle.ru/expert/2017/24/ne-popast-v-tehnologicheskoe-rabstvo/ (Date of access: 15.06.2026). (In Russ.)

Vardomskiy, L. B. (2020). Forgotten Integration: The Failure and Lessons of the Council of Mutual Economic Assistance. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]*, *13*(3), 176–195. https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-3-10 (In Russ.)

Vasilyeva, L. V. (2017). A system of classification criteria for import substitution. In V. I. Gerasimov (Ed.), *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: Yezhegodnik, Moskva, 01–30 dekabrya 2016 goda*

[Russia: Trends and prospects: Yearbook, Moscow, December 01-30, 2016], 12(1), 130–136. EDN ZOAJZV (In Russ.)

Wallerstein, I. (2015–2016). *Mir-sistema Moderna [The Modern World System]*. (Vol. I–IV). Moscow: D. Pozharsky University. (In Russ.)

Wallerstein, I. M. (1974-2011). *The Modern World-System*. (Vol. I–IV). University of California Press.

Yurevich, M. A. (2023). Technological Sovereignty of Russia: Concept, Measurement, and Possibility of Achievement. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory]*, (4), 7–21. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21 (In Russ.)

Информация об авторах

Латов Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; https://orcid.org/0000-0001-7566-4192 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5; e-mail: latov@mail.ru).

Капогузов Евгений Алексеевич — доктор экономических наук, профессор кафедры государственной политики, заведующий учебно-научной лабораторией изучения экономик стран БРИКС, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН; https://orcid.org/0000-0001-8083-5654 (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1/46; Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 32; e-mail: egenk@mail.ru).

About the authors

Yuriy V. Latov — Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.), Chief Research Associate, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0001-7566-4192 (building 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: latov@mail.ru).

Evgeny A. Kapoguzov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of State Policy, Head of the Educational and Scientific Laboratory for the Study of the Economies of the BRICS Countries, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0001-8083-5654 (1/46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; 32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: egenk@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 02.06.2026.
Прошла рецензирование: 15.06.2026.
Принято решение о публикации: 15.09.2026.
Received: 02 June 2026.
Reviewed: 15 June 2026.
Accepted: 15 Sep 2026.